

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ
КОЛЛЕГИИ СУДЕЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

об отказе в принятии к производству обращения Хан Александра Николаевича о проверке конституционности пункта 2 статьи 184, пункта 2 статьи 216, пункта 1 статьи 1153, пункта 1 статьи 1155, пункта 2 статьи 1156 Гражданского кодекса Кыргызской Республики

17 декабря 2021 года

город Бишкек

Коллегия судей Конституционного суда Кыргызской Республики в составе: Кыдырбаева К.Дж., Саалаева Ж.И., Бобукеевой М.Р. при секретаре Аблакимове К.А., рассмотрев обращение Хан А.Н.,

У С Т А Н О В И Л А:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 25 мая 2021 года поступило ходатайство Хан А.Н. о проверке соответствия пункта 2 статьи 184, пункта 2 статьи 216, пункта 1 статьи 1153, пункта 1 статьи 1155, пункта 2 статьи 1156 Гражданского кодекса Кыргызской Республики статьям 1, 6, части 2 статьи 15, статье 24 Конституции Кыргызской Республики.

Как следует из представленных материалов, согласно пункту 2 статьи 184 Гражданского кодекса при недействительности сделки, каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) - возместить его стоимость в деньгах, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом.

В этой связи Хан А.Н. считает, что согласно общему правилу указанного выше положения Гражданского кодекса, а также Постановлению Пленума

Верховного суда Кыргызской Республики «О некоторых вопросах судебной практики по спорам о недействительности сделок и о добросовестном приобретении имущества» от 24 мая 2019 года №11, последствием недействительности сделки является возврат каждой из сторон в правовое положение, существовавшее на момент заключения оспариваемой сделки, а именно, приведение сторон сделки в первоначальное положение. Последствия недействительности равным образом распространяются на обе стороны сделки одновременно.

Заявитель указывает, что по указанной причине, оспариваемая сделка является основанием возникновения права собственности на имущество у одной стороны, а у другой стороны - прекращением права собственности. Двусторонняя реституция, как гражданское правоотношение выступает неотъемлемым элементом права собственности в широком смысле, на которое в полном объеме распространяются все конституционные гарантии права собственности. Иными словами, право собственности, как основополагающее вещное право, по своей юридической природе носит бессрочный характер и как таковое может возникать, изменяться, прекращаться вследствие наступления различных юридических фактов, а значит и в результате применения двусторонней реституции при недействительности сделки.

Субъект обращения приводит доводы, ссылаясь на решения Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 10 сентября 2014 года, 17 февраля 2016 года, 21 сентября 2016 года, 03 сентября 2020 года, 13 января 2021 года, где указывается, что в системе ценностей, на которых базируется демократическое государство, право собственности занимает одно из важнейших мест в совокупности прав человека, представляя собой одну из основ его правового статуса. В тоже время собственность, являясь многогранной, сложной категорией, имеет всеобъемлющее значение для государства в целом, составляя экономическую основу производства и гражданского оборота.

В связи с чем, Хан А.Н. считает, что согласно положению статьи 15 Конституции, конституционный принцип правового государства, каковым является Кыргызская Республика, возлагает на нее обязанность признавать, соблюдать и защищать право собственности. Указанное право гарантируется статьей 17 Всеобщей декларации прав человека ООН, а также статьей 1 Протокола №1 к Европейской конвенции по правам человека, где, в частности, закрепляется право физических и юридических лиц на «уважение своей собственности».

По мнению заявителя, из конституционного понимания существа и содержания двусторонней реституции при недействительности сделки, следует, что в двусторонней реституции, как в гражданских правоотношениях, одновременно должны быть два субъекта ее применения, поскольку, по смыслу пункта 2 статьи 184 Гражданского кодекса, а также, исходя из статьи 24 Конституции, которая указывает о конституционных принципах равенства и справедливости, последствия недействительности равным образом распространяются на обе стороны сделки одновременно. Суд не может, признавая сделку недействительной, применить реституцию в отношении одной стороны, без одновременного ее применения в отношении другой.

При этом Хан А.Н. указывает в своем обращении, что последствия недействительной сделки на умершего юридически распространяться не могут, в силу того, что умерший гражданин согласно статье 52 указанного Кодекса не обладает гражданской правоспособностью, а потому, не может быть носителем ни прав, ни обязанностей, в том числе при признании сделки недействительной. Напротив, в указанном случае удовлетворение иска о признании сделки недействительной с приведением сторон в первоначальное положение, наделит умершее лицо правом, которым он фактически не может обладать.

Субъект обращения считает, что правоприменительная практика исходит из обратного, чем искажает конституционно-правовой смысл регламентации

указанных правоотношений, а оспариваемая норма в этой части противоречит отмеченным нормам Конституции.

Далее заявитель указывает, что согласно положению части 2 статьи 15 Конституции, право наследования гарантируется, соответственно, в отношении такого действует конституционный механизм защиты от произвольного умаления или ограничения, как и в отношении права собственности, исходя из того, что право наследования, как олицетворение права собственности и его неотъемлемый компонент, имея важное значение в жизни граждан, обеспечивает переход собственности на имущество наследодателя к другим лицам в порядке наследственного (универсального) правопреемства.

При этом Хан А.Н. отмечает, что согласно нормам статей 1, 6 Конституции, а также с учетом положений статьи 3 Закона «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики», должна быть определенность, ясность, недвусмысленность правовой нормы, поскольку иной подход не может обеспечить ее единообразное применение, не исключает неограниченное усмотрение в правоприменительной практике и, следовательно, неизбежно открывает широкий простор произволу правоприменителя.

Тем самым, закон должен соответствовать требованиям юридической точности и предсказуемости последствий, то есть его нормы должны быть сформулированы с достаточной степенью четкости и основаны на понятных критериях, позволяющих со всей определенностью отличать правомерное поведение от противоправного, исключая возможность произвольной интерпретации положений закона.

В соответствии с пунктом 1 статьи 1153 указанного Кодекса наследник приобретает право на причитающееся ему наследство или его часть (долю) со времени открытия наследства, если он впоследствии не откажется от наследства, не будет лишен права наследовать и не утратит право наследовать

вследствие признания недействительным завещательного распоряжения о назначении его наследником.

В этой связи заявитель приходит к выводу, что приобретение наследства может быть обусловлено как волей самого наследника, выражающейся в его бездействии, если он не отказался от наследства, так и волей других лиц – наследодателя, если он не будет лишен права наследовать, или решения суда, вынесенного по чьему-нибудь иску, если он не утратит право наследовать вследствие признания недействительным завещательного распоряжения о назначении его наследником и не будет лишен права наследовать, например, в силу недостойности.

Хан А.Н. считает, что не отказавшийся и не лишенный права наследовать гражданин считается приобретшим наследство. Для приобретения наследственного имущества не требуется его принятия. Такой порядок исключает возможность существования так называемого непринятия наследства, существенно отличающегося от отказа от него.

Кроме того, заявитель указывает, что согласно положению пункта 1 статьи 1155 Гражданского кодекса для приобретения наследства наследник должен его принять, в связи с чем, пункт 1 статьи 1153 указанного Кодекса вступает в правовую коллизию с пунктом 1 статьи 1155 этого же Кодекса, выражающуюся в закреплении двух взаимоисключающих путей приобретения наследства, один из которых считает достаточным для приобретения наследства отсутствие отказа от него и утраты наследником права наследовать вследствие признания недействительным завещательного распоряжения о назначении его наследником, другой требует его принятия.

По мнению субъекта обращения, наличие указанной коллизии в отмеченных нормативных положениях противоречит вышеназванным нормам Конституции.

Согласно пункту 2 статьи 216 Гражданского Кодекса, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было

узнать о нарушении своего права. Изъятия из этого правила устанавливаются обозначенным Кодексом и иными законами.

Хан А.Н. также ссылается на решения Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 17 февраля 2016 года, 03 сентября 2020 года, в которых указывается, что исковая давность, будучи материально-правовым сроком, но не процессуальным сроком, является сроком, в течение которого лицо, право которого нарушено, может требовать принудительного осуществления или защиты своего права. Применение судом по заявлению стороны в споре исковой давности, защищает участников гражданского оборота от необоснованных притязаний и одновременно побуждает их своевременно заботиться об осуществлении и защите своих прав.

В соответствии со статьей 1154 указанного Кодекса, свидетельство о праве на наследство выдается по месту открытия наследства нотариусом или уполномоченным в соответствии с законом совершать такое нотариальное действие должностным лицом. Наследникам выдается свидетельство о праве на наследство по истечении шести месяцев со дня открытия наследства.

В связи с чем, заявитель указывает, что выдача свидетельства о праве на наследство в подтверждение факта принятия наследства, сама по себе не означает, что до даты выдачи такого свидетельства юридически невозможно нарушить наследственные права наследников, и что такое нарушение происходит лишь со дня выдачи свидетельства о праве на наследство, поскольку, срок обращения за получением свидетельства о праве на наследство законом не ограничен.

Кроме того, получение свидетельства о праве на наследство является правом, но не обязанностью наследника, последний, не получая данное свидетельство, может по своей воле перенести момент нарушения права наследников и как следствие - момент начала течения срока исковой давности на более поздний срок, что противоречит правовой природе исковой давности,

поскольку начало течения срока исковой давности не может ставиться в зависимость от частной воли.

При этом Хан А.Н. указывает, что наследник, узнав о смерти наследодателя, должен знать об открытии наследства.

Вместе с тем, заявитель в своем обращении отмечает, что правоприменительная практика придерживается такого подхода, при котором исковая давность по требованиям наследника о защите его наследственных прав начинает течь не с момента открытия наследства, а с даты получения свидетельства о праве на наследство. Такое положение свидетельствует о противоречии оспариваемого пункта статье 15 Конституции.

Согласно статьям 2, 8 Гражданского кодекса, граждане осуществляют свои гражданские права своей волей и в своих интересах, соответственно, никто не может против своей воли вступать в гражданские правоотношения.

Хан А.Н. считает, что использование законодателем в частноправовых отношениях юридических конструкций, подразумевающих автономию воли сторон, диспозитивный метод правового регулирования, обусловлены самостоятельным выбором своего правового поведения, а это влечет за собой не только возможность получения определенных преимуществ, но и необходимость несения последствий.

Кроме того, заявитель указывает, что по общему правилу положения пункта 2 статьи 8 указанного Кодекса отказ граждан от осуществления принадлежащих им прав не влечет прекращения этих прав, за исключением случаев, предусмотренных законом.

Заявитель отмечает, что одним из законодательно установленных случаев правомерного отказа от осуществления гражданских прав выступают положения статьи 1156 указанного Кодекса при отказе наследником от наследства.

Кроме того, в соответствии с пунктами 1, 2 статьи 1156 обозначенного Кодекса, наследник вправе отказаться от наследства в течение шести месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о своем призвании к

наследованию. При наличии уважительных причин этот срок может быть продлен судом, однако, не более чем на два месяца. Отказ от наследства совершается подачей наследником заявления нотариусу по месту открытия наследства.

С учетом этого Хан А.Н. отмечает, что согласно пункту 3 статьи 172 рассматриваемого Кодекса при отказе от наследства, волеизъявление наследника направлено на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, то отказ от наследства надлежит квалифицировать как одностороннюю сделку.

При этом, статьи 38, 74 Закона Кыргызской Республики «О нотариате», строго разграничивают такие нотариальные действия, как нотариальное засвидетельствование подлинности подписи и нотариальное удостоверение сделки.

Одновременно заявитель отмечает, что согласно пункту 113 Инструкции о порядке совершения нотариальных действий нотариусами Кыргызской Республики, утвержденной постановлением Правительства Кыргызской Республики от 20 апреля 2011 года №179, заявление об отказе от наследства должно быть сделано в письменной форме. Подлинность подписи наследника на заявлении об отказе от наследства должна быть засвидетельствована нотариально.

Кроме того, автор обращения указывает, что данный пункт вышеуказанной Инструкции, предусматривает, что законодательство позволяет принимать наследство путем фактического совершения действий, **то** есть по аналогии статьи 5 Гражданского кодекса отказываться от наследства также допустимо посредством совершения фактических действий, поскольку отказ от наследства, равно как и принятие наследства, будучи по своей правовой природе односторонними сделками, являются правом, но не обязанностью наследника.

Хан А.Н. отмечает, что в связи с тем, что отказ от наследства по общему правилу должен совершаться в письменном виде, принимая во внимание, что

в положении оспариваемого Кодекса не установлена нотариальная форма отказа от наследства, а несоблюдение простой письменной формы отказа от наследства не влечет его недействительность, заявитель приходит к выводу, что нормами указанного Кодекса не исключается возможность осуществлять отказ путём совершения фактических действий и в устной форме по правилам пункта 2 статьи 175 указанного Кодекса.

Кроме того, субъект обращения указывает, что, не оформленное лицом отказа от наследства в письменной форме, само по себе не означает, что такой отказ лицом не совершался, поскольку, прежде всего и главным образом, из поведенческого акта лица должна достоверно усматриваться его воля установить, изменить или прекратить гражданские права и обязанности. При этом, если доказано наличие отказа от наследства, то должны возникнуть соответствующие юридические последствия вне зависимости от формы совершения такого отказа.

Тем самым, наследник в пользу которого состоялся отказ от наследства и подтверждение такого отказа, не лишен права приводить письменные и другие доказательства, за исключением свидетельских показаний. Тогда как, правоприменительная практика исключает возможность доказывать отказ от наследства посредством письменных и других доказательств, за исключением свидетельских показаний. Приведенный подход правоприменительной практики не согласуется с положениями статей 15, 24 Конституции.

С учетом изложенного, заявитель просит признать оспариваемые положения противоречащими Конституции.

Коллегия судей, изучив ходатайство Хан А.Н., и приложенные к нему материалы, заслушав информацию судьи Кыдырбаева К.Дж., проводившего на основании части 2 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» проверку ходатайства, пришла к следующим выводам.

Согласно части 3 статьи 97 Конституции, каждый вправе оспорить конституционность закона и иных нормативных правовых актов, если считает, что ими нарушаются права и свободы, признаваемые Конституцией.

В соответствии с требованиями пункта 9 части 4 статьи 27 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики» в обращении должны быть указаны позиция обращающегося по поставленному им вопросу и его правовое обоснование со ссылкой на соответствующие нормы Конституции. Другими словами, между предметом регулирования оспариваемой нормы и конституционным установлением должна непременно прослеживаться неразрывная системная связь. Однако в представленном обращении доводы заявителя о неконституционности оспариваемых норм строятся на неправильном применении норм материального и процессуального права судами общей юрисдикции по искам, затрагивающим интересы Хан А.Н.

Вместе с тем рассмотрение вопросов, связанных с конституционностью правоприменительной практики, в том числе, правильностью применения судами общей юрисдикции норм материального и процессуального права при рассмотрении конкретных дел, в соответствии с Конституцией и конституционным Законом «О Конституционном суде Кыргызской Республики» в круг полномочий Конституционного суда Кыргызской Республики не входит.

Кроме того, в правовом аспекте доводы Хан А.Н. сводятся к противоречиям оспариваемого нормативного положения статьям: 1153, 1155 указанного выше Кодекса. Однако, рассмотрение вопросов, связанных с устранением коллизий в нормативных правовых актах в соответствии со статьей 97 Конституции не входит в круг полномочий Конституционного суда Кыргызской Республики.

На основании вышеизложенного, руководствуясь частью 2, пунктами 1, 4 части 3, частью 5 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционном

суде Кыргызской Республики» коллегия судей Конституционного суда Кыргызской Республики,

О П Р Е Д Е Л И Л А:

1. Отказать в принятии к производству ходатайство Хан Александра Николаевича о проверке конституционности пункта 2 статьи 184, пункта 2 статьи 216, пункта 1 статьи 1153, пункта 1 статьи 1155, пункта 2 статьи 1156 Гражданского кодекса Кыргызской Республики.

2. Возвратить представленные материалы заявителю.

3. Настоящее определение может быть обжаловано в Конституционный суд Кыргызской Республики в течение трех месяцев.

Коллегия судей:

К.Дж. Кыдырбаев

Ж.И. Саалаев

М.Р. Бобукеева